

Порешив на этом, Ань Чанцин велел Ань Фу передать весточку, а у ворот приказать подготовить экипажи. Едва начали сгущаться сумерки, они на двух экипажах отправились к башне «Вансянь».

Едва стемнело, как на улицах зажглись праздничные фонари. Все проспекты и переулки заполнились гуляющими с фонариками в руках. Даже юные барышни, обычно не покидавшие своих покоев, в этот день вышли полюбоваться праздничным оживлением.

Ань Чанцин приоткрыл занавеску и глянул наружу. Разноцветные огни отражались на его лице; напускная степенность испарилась, уступив место ребяческому задору.

Сяо Чжигэ, сидевший рядом с ним, заметил это и произнес:

— Если тебе нравится, будем приходить сюда каждый год.

— С удовольствием! — Ань Чанцин повернулся к нему. В свете фонарей за окном экипажа его улыбка казалась невероятно яркой. — Князь пойдет со мной.

Пальцы Сяо Чжигэ, лежавшие на коленях, слегка сжались. Словно пытаясь скрыть смущение, он отвернулся к окну и тихо откликнулся:

— Угу.

У башни «Вансянь» было не протолкнуться. Экипажи знатных семейств вереницей замерли перед входом в ожидании, пока трактирные слуги уведут гостей внутрь. Ань Чанцин поглядел по сторонам и даже разглядел в толпе несколько знакомых лиц.

Передав слуге именную карточку, Ань Чанцин и его спутники поднялись наверх.

Башня «Вансянь» насчитывала три этажа, на каждом из которых располагалось по шесть просторных отдельных кабинетов. Третий этаж славился самым лучшим видом, оттуда весь Ецзин был как на ладони.

Ань Чанцина и его спутников проводили в павильон Сунтао, и вскоре слуги принесли изысканные сладости и свежий чай.

Ань Чанцин распахнул окно и посмотрел вниз. Весь Ецзин потонул в море огней, куда ни глянь — повсюду пестрели фонари. Среди них плавно вращались два гигантских фонаря-тенегона высотой в три-четыре человеческих роста — главные цари праздника в этом году.

— Состязание фонарей скоро начнется? — спросил Ань Чанцин.

Слуга, прислуживавший в кабинете, ответил:

— Да, господин. Не угодно ли, чтобы ваш слуга принес сюда загадки? За первое место в состязании фонарей в этом году полагается награда в сотню лянов золота или подлинный свиток господина Даньмо.

Будь то сотня лянов золота или подлинник господина Даньмо — награда была весьма заманчивой.

Ань Чанцин сделал знак Ань Фу передать карточку слуге:

— Принеси загадки.

Сяо Чжигэ любопытствовал:

— Но-но умеет отгадывать загадки?

Ань Чанцин чуть приподнял подбородок с горделивой улыбкой:

— Немного умею. К тому же, если я не справлюсь, поможет Юй-эр.

Если говорить о серьезных науках, он едва ли превосходил других. Однако с детства любил читать всевозможные книги обо всем на свете, обладал широким кругозором и сообразительностью. В детстве во время Праздника фонарей братья и сестры уходили развлекаться на улицу, и только он с Ань Сяньюй оставались в поместье. Воспользовавшись моментом, пока никого нет, они снимали висящие фонари, к которым тоже крепились загадки — и разгадывали: половину он, половину Ань Сяньюй.

Вскоре слуга принес десять загадок. Листки положили на стол. Ань Чанцин просматривал их один за другим: те, что знал, разгадывал сам и вписывал ответы, а остальные передавал Ань Сяньюй, которая и дописывала решения. Не прошло и пары мгновений, как брат с сестрой завершили работу и велели слуге отнести ответы вниз.

На состязании был свой табель рангов. Победителем признавался тот, кто отгадал больше всего загадок. Сами загадки делились на пять уровней сложности: первый — самый простой, пятый — самый сложный. Количество загадок каждого уровня было строго определено, а победа доставалась тому, кто даст наибольшее количество верных ответов в сумме.

Слуга, пораженный их скоростью и обрадованный, воскликнул:

— Ваш слуга принесет еще! — С этими словами он поспешно сбежал вниз и вскоре вернулся с новой охапкой загадок: — Прошлые десять — все верны!

Ань Чанцин и Ань Сяньюй действовали поразительно слаженно: лишь бросят взгляд — и тут же берутся за кисть. Прошло всего несколько раундов, когда снизу трижды прозвучал удар гонга, и чей-то громкий голос проклинал:

— Поместье Бэйчжань-вана! Ань Чанцин! Отгадано шестьдесят семь загадок! Десятое место!

Ань Чанцин высунулся из окна и увидел, как на доске рейтинга снизу красный фонарик с его именной карточкой переместили в ряд первой десятки, повесив на последнее свободное место.

— Пока десятое место! — сощурился в улыбке Ань Чанцин. Заметив, что Чжоу Хэлань молча стоит рядом, он спросил: — Хэлань, хочешь попробовать? Если выиграем, отдам тебе половину награды.

Чжоу Хэлань немного подумал и произнес:

— Я попробую.

После этого Ань Чанцин уступил место Чжоу Хэланю и сам больше не участвовал.

В павильоне Нунсюэ на третьем этаже башни «Вансянь» Ань Сянья неверяще потеряла уши:

— Я не ослышалась? Чье имя только что объявили? Ань Чанцин?

Ань Чандуань сделал глоток чая; лицо у него тоже было далеко от радужного:

— Ты не ослышалась, именно он.

Ань Сянья с досадой сжала платок и, схватив за рукав молчаливого симпатичного юношу, капризно протянула:

— Братец Хайюнь, о чем ты задумался? Скорее разгадывай, не отдавай же этому сыну наложницы первое место! Иначе я просто лопну от злости!

Она все еще возмущалась, так и не обратив внимания на выражение лица Ли Хайюня.

Ань Чанъюй смерил ее строгим взглядом и произнес внушительным тоном:

— Сянья! Забыла правила, о которых обещала помнить перед выходом из дома?

Только тогда Ань Сянья неохотно отпустила рукав и уселась в сторонке, дуясь от досады.

Ань Чанъюй посмотрел на своего двоюродного брата, который хранил молчание с тех самых пор, как услышал имя Ань Чанцина, и тихо сказал:

— Я послал людей узнать: они прямо сейчас в павильоне Сунтао, по соседству с нами.

В лице Ли Хайюня что-то дрогнуло. Он опустил глаза с видом полной растерянности и подавленности:

— Нынче он уже Бэйчжань-ванфэй. Какой толк во встрече? Я не могу навредить ему...

Взгляд Ань Чанъюя слегка потемнел:

— Когда мы виделись в поместье в прошлый раз, он выглядел неважно. Не факт, что в поместье князя ему живется сладко... Однако братец прав: если судьба свела, да счастья не дала, лучше и вовсе не видеться.

Ли Хайюнь резко поднял голову. Несколько раз он порывался что-то сказать, но в итоге лишь крепко сжал губы и уткнулся в загадки.

В павильоне Сунтао Ань Чанцин еще не знал, что в соседнем кабинете расположились младшие из семьи Ань. Сидя рядом с Сяо Чжигэ, он своими глазами наблюдал, как Чжоу Хэлань и Ань Сяньюй, объединив усилия, щелкали загадки словно орешки.

Чем дальше двигалось состязание, тем сложнее становились загадки и тем медленнее шли ответы. Именно поэтому ближе к концу рейтинг обновлялся все реже. Однако эта пара нисколько не сбавила темпа. Слуга, бегавший за новыми заданиями, среди зимы вымок от пота, но его лицо сияло от радости:

— П-пятое место!

Ань Чанцин щедро наградил его и продолжил наблюдать, как они стремительно исписывают листы.

Но не успел слуга выйти, как в дверь кабинета снова постучали.

Ань Фу пошел отпирать и, увидев стоящих на пороге, замер в замешательстве, не зная, впускать ли их:

— Старший молодой господин, господин Ли.

Снаружи раздался мягкий, приятный голос:

— Услышав снаружи, что братец Чанцин тоже участвует в состязании, да к тому же оказался по соседству, мы решили зайти засвидетельствовать почтение.

Сяо Чжигэ повел бровью и первым делом бросил взгляд на Ань Чанцина. Однако выражение лица Ань Чанцина ничуть не изменилось. Он лишь спокойно сказал Ань Фу:

— Это старший брат и братец Хайюнь? Проси их войти.

Ань Фу только тогда открыл дверь и пригласил гостей.

Войдя и увидев Сяо Чжигэ, оба опешили, а затем поспешили отвесить поклон. Взгляд Сяо Чжигэ уперся в Ли Хайюня, а уголки губ недовольно опустились.

Описание вполне совпадало с донесениями: племянник семьи Ань по фамилии Ли, по имени Хайюнь, отличался привлекательной внешностью и благородной выправкой. Он славился поэтическим даром и глубокими познаниями, сдав провинциальные и столичное испытания с высшими баллами. Если бы не скоропостижная смерть дедушки и бабушки, из-за чего пришлось соблюдать траур, он наверняка завоевал бы высшую триаду наград.

Выйдя из траура, этот молодой господин прибыл в Ецзин в гости и остановился в поместье Ань. С третьим молодым господином они сразу сошлись душой и часто обменивались стихами.

Пока Сяо Чжигэ разглядывал Ли Хайюня, тот тоже украдкой судил о нем. Бэйчжань-ван и внешне, и манерами выказывал чисто военную выправку: взгляд таил суровость, уголки рта оттянуты вниз — с первого взгляда становилось ясно, что нрав у него не из кротких.

Ли Хайюнь незаметно сжал кулаки и вскинул взгляд на Ань Чанцина. Однако тот сидел под боком у Бэйчжань-вана и даже не смотрел в его сторону.

Сердце Ли Хайюня сжалось. «Неужели братец таит на меня обиду? — с тревогой подумал он. — Ведь раньше, когда мы катались на лодке и слагали стихи, братец всегда смотрел на меня так внимательно...»

— Братец Чанцин... — с болью в голосе вырвалось у сбитого с толку Ли Хайюня.

Ань Чанцин как раз собирался представить его Сяо Чжигэ. Услышав обращение, он мельком откликнулся и обратился к князю:

— Князь, это племянник моей матушки, сын главы округа Чанъян Ли Жуци.

Сяо Чжигэ сухо отронил ответ и словно бы вскользь поинтересовался:

— Слыхал я, Но-но довольно близок с этим господином Ли?

Тон его был не слишком суров, но мрачный вид княжеского лица невольно внушал трепет, отчего двое гостей, предававшихся своим мыслям, вмиг содрогнулись.

Автор хочет сказать:

Трус: Соперник! (берет копье)

Но-но: Где? (оглядывается по сторонам)

Братец Ли: Ы-ы-ы QAQ

<http://bllate.org/book/18381/1767669>